

Глава 1. Собеседование.

• Глава 1.

Собеседование в престижную Академию

Я сижу в пропыленном кабинете, окруженный испытывающими взглядами и замухрыженными телами.

Как только я занял свой стул, то сразу принял доминирующую позицию в этом зале, откинувшись на кресле, шпилем приложив руки к подбородку. Стоило мне это сделать, как в комнате сразу же похолодало.

Дождаясь в приемной, пока дойдет моя очередь, я сидел в точно такой же позе, созерцая, как люди выходят и входят, понуренные, потупленные, психологически изнеможенные, те, кто задумываются над своим будущим и те, кто вынужден сюда поступить под гнетом испепеляющей инквизиции. Пятьдесят четыре человека на место, я слышал эти слова снова и снова.

Низко опущенная голова и взгляд в глаза — исподлобья, вместе с улыбкой, которую я пытался выразить наиболее достоверной и искренней, дабы присутствующие доверились моим словам, в итоге приобретала ужасающий зрелище образ и как бы, сам того не желая, я ополчил каждого к еще более спертой атмосфере, что была до этого;

и как бы мне не хотелось поменять эту неудобную для спины позу, глубоко просевшую под мягким обшитым тканью креслом, где мои ноги, под прямым углом, еле достают кончиками туфель до пола, мне пристанет ожидать благоприятного момента, иначе эти люди сочтут, что я попросту психую или нервничаю, а так как этого ни в коем случае не допускается демонстрировать, я сижу и жду, пока время застыло, а непереносимая тишина угрюмо витала в комнате.

Это мрачный и темный кабинет в здании обсерватории магов, стены из камня, обшитые красным деревом, прекрасно изолируют кабинет от посторонних звуков в приемной.

Врезанные вдоль окна напротив мощеного стола, просвечивают тускло холодные лучи сквозь прозрачное мозаичное стекло, что придает всему какую-то эфемерность.

Кроме мистера Джорджи, кто должен принять мою сторону по вопросу собеседования, я никого не знаю, даже не различаю их лица, потому как слепящий свет, облизывает затылки заседающих и колотит мне в глаза, выбивая из полудрема.

Один из наставников академии — тот, что сидит напротив меня, — высокий с овальными чертами.

Его нездорово подвижная заячья губа старательно демонстрировала его дряблые опухшие десны.

Это был человек лет сорока пяти отроду, его волосы на голове были средней длины, светлыми и вьющимися, но при свете дня отливали пепельным цветом.

Суровый напряженный взгляд собирал в уголках его прищуренных глаз множество

тоненьких морщин.

Такой тип обладает весьма развитой восприимчивостью, но он не из тех, кто много болтает языком.

– Тебя зовут Морейн Леоне, пятнадцать лет, досрочно окончил Фейлонскую школу с отличием, проживаешь на данный момент с тетей, – его кругловатые очки съехали на краешек носа.

– Она пришла? – но, не дождавшись от меня внятного ответа, он продолжил.

– Мы имеем в распоряжении твои рекомендательные письма на зачисление, сразу от четырех учителей, включая мистера Джорги, что присутствует с нами. – он поднял глаза на человека в углу комнаты.

– По словам мистера Джорги и ректора Фейлонской школы, ты многообещающий ученик с необычными способностями и пытливым умом, потенциальный член гильдии Алхимиков и выдающийся отличник среди детей старшего возраста, также, по его словам, ты легко уживаешься с людьми старшего поколения, и никогда не имел проблем с законом. – он то ли говорит, то ли читает, уставившись в страницы тетради,

– ... что зачислив тебя мы обретаем надежду на возрождение былой славы, когда академия под копирку выпускала из своих стен величайших магов, готовых служить его высочеству.

Кхм. Кхм.* – его брови приняли форму полумесяца. – Это так? – обратился он к мистру Джорги, что сидел с краю от меня.

Чернокожий профессор, чья широкая улыбка буквально сияет белизной, привстал и коротко очертил мое обучение, как выдающееся.

– Все так. Уилл. – он продолжает улыбаться.

– Я знаю, что у профессора Алхимии есть пара вопросов, пожалуйста. – сняв очки, он понурил голову, прислушиваясь в каждое слово.

Голос поднял преподаватель Алхимии, это приземистая, крупная женщина с короткими волосами уложенными на одну сторону и неестественно короткими пальцами.

– Какое совпадение, не правда ли, – пылко начала она.

– Фейлонская школа, славящаяся своим авторитетом и заниженным оценочным балом, поставила вам, молодой человек, чей возраст не достиг и пятнадцати лет, высочайшую оценку из всех возможных. Только один человек из ныне живущих, удосужился получить такую же, и это не кто иной, как почтенный архимаг нашей академии. – поднимая голос, профессор Алхимии покраснел от взволнованности.

Густой свет освещает ее полные щеки, на кончиках её губ торчат густые острые волосики,

сбритые недавно, вероятно эта женщина, не скажешь, сколько ей на вид, старается быть пригожей, но уже не настолько, что бы ухаживать за собой; в результате она попросту забрасывает себя, перестает наводить красоту и снимает маску доброжелательности, оставаясь жуткой нерасторопной бабенкой, что привыкла распускать слюни в пересудах.

– Я это говорю к тому, что проверить ваши данные теперь уже не представляется возможным, школа странным образом сгорела до основания и единственная подпись под вашими документами, – перелистывает страницу. – Принадлежит некому ректору Воллис, который, к моему глубочайшему сожалению, не смог выбраться из пылающего здания.

Она похоже чем-то на бурундука, маленький впалый нос и губы, с большими угрюмыми щеками, что смотрят на тебя, а ты на них и думаешь о чем либо оторванным, чтобы не замечать в ней того неухоженного отталкивающего вида, и ты увлеченно смотришь на её щеки, которые двигаются в такт челюсти, ни о чем не думаешь, пока на эти самые щеки, трясущиеся вверх-вниз, не приземляется муха;

– Все так удачно сложилось, для вас, не правда ли, – обкрутилась она. – Я ни на что не намекаю, но у вас есть хоть кто-либо, подтверждающий подлинность ваших документов, молодой человек?

муха перетирает своими усиками и щекочет её ноздри, делая все возможное, чтобы та женщина затрепыхалась и, ну, в общем, её это не прониало, и она продолжила.

– Я не знаю, почему вы приглянулись мистеру Джорджи, но кроме него никто вас не знает и не видел в стенах Феёлонской школы, вы как призрак, даже ваша загадочная тетя никогда не появлялась на людях.

– ...

– Кто может подтвердить, что вы действительно учились в Фейлоне? – обратился ко мне мистер заячья губа.

Снова повисла тишина.

Мистер Джорджи нервозно ерзает на стуле, постепенно меняя свою точку опоры, он высоко задирает свои дугообразные брови, подавая мне сигнал.

От меня ждут слова.

Я взираю на них как на открытую книгу, но ничего не могу ответить, потому что не слышу, будто каждый из них немой, замечаю только захлопывающие губы в такт каким-то не разборчивым словам.

Мои галлюцинации продолжают, удивительно, как память уносит за собой целые события, но оставляет вклинившие образы и так получилось, что первейший образ моих страхов, детских переживаний, опасений, всего того, что я сам себе напридумывал...

– Трупные черви.

Этот омерзительный вид, сопровождаемый нарастающим звуком, не умолкающая

монотонная воркотня, будто рой накапливается в тысячу пудов на мои уши.

Мне чудилось, что они повсюду, извиваются под ногами, лезут ко мне под рубашку и пробираются к физиономии. Оглушительный ускоряющийся звук так и не прекращается.

И это моя самая значительная слабость, с прочими пороками я еще могу смириться, в отличие от приступов, которые тревожат меня и накатывают время от времени.

Я пытаюсь не показать страха, хотя сердце панически выпрыгивало из груди, постепенно лицо мое побледнело и скорчилось в едкой гримасе.

– **Ему плохо?** – обратился один из председателей к мистеру Джорджи, крупная копна червей спадает с его залысины на украшенный орнаментом стол, бескрайний рой беспозвоночных созданий разлезается по столу, спадая мне на ботинки.

Настолько глубоко и бессознательно извращена моя реальность.

– **Он просто нервничает, дайте ему время.** – чавкает червями мистер Джорджи.

Я глубоко вдыхаю густую порцию сжатого воздуха и пытаюсь изобразить на лице то, что называют невозмутимостью, но слишком поздно, лицо принимает еще более зловещее выражение, чем поза.

Кривые тени плавно двигаются по комнате, показывая силуэты демонов за столом.

Мой затылок устался на дверь позади меня, я медленно встаю с кресла, поворачиваюсь и выхожу отсюда, под звуки смешков и омерзительного шелеста.

– **Как вы смеете напоминать ему о том ужасном событии, вы разве не знаете, сколько человек погибло на его глазах?** – заголосил мистер Джорджи. – **Само собой разумеется, ему не приятны ваши слова и воспоминания о тех событиях запугивают его.**

– **Я голосую за!** – он поднял руку окидывая глазами остальных.

Глава 2. В стенах Академии Магов. Часть 1

Глава 2

– ...?

Мистер Джорджи?

Профессор, довольно приятный человек, несмотря на то обстоятельство, благодаря которому мне выпала честь с ним познакомиться.

С небольшими поправками, он лучше меня, намного лучше меня, но я все равно его ненавижу, для начала он туп, незатейлив, его действия и мотивы озадачивают даже меня, он склонен считать себя умнее, чем есть на самом деле, но если ситуация принимает скверный оборот, выводя его из зоны комфорта, зоны своих обязанностей в стенах магической академии, то он теряется, как хлюпенький мальчик, отлученный от руки своей заботливой мамы.

Ахахахаха* (неприлично заливаюсь смехом)

Его можно понять, этот человек из тех людей, что не застал порыв юности и беззаботной порочности в свое время, а поимев залысину, которую, как он считает признаком своей неминуемой старости, и вовсе обнадежился узнать, что скрывают под юбками молодые и прелестные ученицы его ненаглядной академии.

Я четко вижу перед собой, как он сидит за дилетантскими рукописями и его гложет стыд перед самим собой, как он алчет заполнить в свои сети молоденькое тело, проглатывает слюну, читая рукопись молоденькой ученицы, где она, путаясь в названиях, перечисляет о том, какими свойствами обладают жидкие кристаллы, а перед его глазами, то и дело мелькает щелочка, та самая, между пальцами, которая открывает прекрасный вид, ничего такого, - ножек, для него этого достаточно, на неделю, вид прекрасных тоненьких ножек, точно выточенные из белого мрамора, что так прелестно оголяются, стоит им только присесть, задирая юбочку заметно выше колен, как он привык их видеть;

О, для него это сущее напряжение, капли пота обильно выступают на лбу, даже твидовый пиджак, сквозь намокшую льняную рубашу, становится мокрым в районе подмышек, и здесь он чувствует, что ему не хватает чего-то, от чего он никак не может расслабиться.

И, этот самый, безропотный, вежливый профессор средних лет, отбившись от книжек и научных работ, принялся искать самого себя, так получилось, что его поиски могли привести только в одно место.

Вероятно, по какому-либо наставлению или же он услышал от того, кого считал осведомленным в этих вопросах, впрочем, я нисколько не сомневаюсь, что ему долгое время хотелось попробовать это, почувствовать себя молодым.

Что днями и ночами напролет, он сидел в своей каморке и мечтал, как сделает это.

Описывал каждую деталь, может быть, рисовал себе, на использованных им черновиках с заумными терминами,

И даже воображение приводило его в то трепещущее чувство, мыслеобразами поднимаясь в его голове: приبلудные дамы, игральные карты и кости, густой дым табака, вода жизни, ячменный самогон и, конечно же, опиум.

однако медленно и постепенно он решился на это, войти в ту сферу, жизнь, бьющую ключом, которую он раньше не трогал и не осязал.

Для него было бы лучше, ограничься бы он только воображением, но дверь позади него захлопнулась, он захватил с собой зонт тире трость и решился пройти под проливным дождем, к тому самому месту, где околачивался ваш покорный слуга.

Для начала скажу тебе, что именно я, по заниженной цене, продавал ему опиум, чистейший, тестообразный, цвета светло-коричневого или, если повезет, желтого с рыжеватым оттенком, несомненно, высокого качества, несомненно... как ты меня и учил.

И вот, уже четвертую зиму я стоял на том самом месте, не привлекая к себе внимания, изображая осиротевшую попрошайку.

В то самое время, когда опиум чрезвычайно сложно было достать, и только с твоего благословения, ростки мака сумели прорости в той среде, где не водилось ни единой травинки, там, на сухой почве, без солнечного места, выросли окрепшие бутоны.

– **Ты говорил, что скоро мы с тобой встретимся,** – Ахх, я жду этого с нетерпением, было бы здорово увидеть тебя воочию и великодушно пожать твою руку, выражая свое почтение.

– ...!

Да, да да. Всему свое время.

А сейчас подробнее о нашей с ним встрече, тогда, однажды зимой, в ясный и морозный вечер, некий мужчина в красном пальто и зонтиком тростью прогуливался по вымощенной камнем улице, куда обычно такие личности не заглядывают, между бедным и ремесленным кварталом, куда слуги выносят нечистоты своих хозяев из богатых особняков, архитектура коих, как известно, соревнуются в своей возвышенности.

У кельтских ворот, что стоят на безлюдной улице города Липс, остановился, значит, опрятный чернокожий мужчина, в чем загвоздка, здесь могли бы пережидать дождь грузчики, матросы, рыбаки и мельники, но только не он, зажиточный горожанин, вероятно судья или врач, подумал было я, а может быть даже ученый.

Истолковать то, почему данный персонаж околачивается в таком месте, не давалось мне затруднительным. Вероятно, он лишь мельком услышал о кельтских воротах, где торгуют опиумом, долго готовил себя к такому событию, и лишь по прошествии благоприятного сезона

продаж, решился на этот нелегкий шаг за ворота, что граничат с кварталом ремесленников и бедняков, так никого и не встретив.

Сейчас то я понимаю, что если бы ему повезло не встретить меня, то он бы не мучился бессонными ночами и нервными тиками, частично заглушая свои муки опиумом, но в этот самый момент он меня встретил.

Там где царила смерть, страх и нищета, две фигуры достигли между собой договоренности, относительно их дальнейших встреч.

Возле круглого столба с указателями, мы договорились встретиться снова, как уже говорилось мной ранее, мистер Джорджи незатейлив, его простота и доверчивость дала мне прекрасную возможность выведать всё: род его деятельности, слабые стороны, увлечения и т. д. и т. п.

Ему не пришло в голову, уличить меня в том, что я сую нос не в свое дело, что я ещё слишком мал и прочее прочее.

Вероятно, он решил, что так оно принято, или же решил промолчать, показывая себя проинформированным передо мной и теми людьми, на которых я якобы работаю, теми, кто удачно вписался в мою старую легенду, с каждым рассказом обрастая все новыми и новыми подробностями.

Например, моряк Джо, любимый мой персонаж, недавно приобрел себе отталкивающий стеклянный глаз и перестал носить свою черную повязку, все чаще показываясь на людях; держатель мясной лавки, той, что сгорела в тесном переулке, потерял сына, а его старшего брата, что работал вместе с нами, забрали в конную армию.

Я так часто про них всем рассказывал, что если бы вы спросили прохожего, знают ли они старика Джо или беднягу лишившегося мясной лавки, то, без всякого сомнения, они с уверенностью заявят, что знают о нем и, быть может, даже лицезрели его недавно, за каким-либо столиком или мимоходом на улице.

из чего можно заключить, что образ моих вымышленных людей обзавелся реальным пассажем, и, возможно, они даже куда более реальны, чем жизнь мистера Джорджи, профессора затворника, что прячется в своей каморке за научными работами.

Таким образом, я мало-помалу втерся ему в доверие, он четко оговаривал нашу с ним встречу и редко спрашивался о моих несуществующих нанимателей, но как-то раз он самолично разыскал меня в ужасно темных переулках и спросил;

Вид его был испуганный, хотя старался вести себя непринужденно.

[Страница книги Кровь на моих руках в интернете](#)